

связанная с возникновением или обострением социально значимых заболеваний, может быть отчасти купирована обращением осужденного к какой-либо религии. Данное обстоятельство может также помочь такому осужденному воздержаться от совершения противоправных действий.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ некоторых организаци-

онных и тактических сторон деятельности сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы представляет собой попытку сформировать систематизированные, научно обоснованные положения, связанные с методическим обеспечением исполнения наказания в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ишков Ю. В., Карамышев С. Г. Актуальные проблемы медицинской безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5 (34). С. 227.
2. О безопасности : федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Упоров А. Г. Безопасность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы и особенности ее правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2011. № 3 (6). С. 40–46.
4. Характеристика осужденных к лишению свободы, имеющих социально значимые заболевания : аналит. обзор. М., 2017. 44 с.

REFERENCES

1. Ishkov YU. V., Karamyshev S. G. Aktual'nye problemy medicinskoj bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Actual problems of medical safety in the institutions of the penal system]. Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Astrakhan State Technical University. 2006. Iss. 5 (34). P. 227. (In Russ.).
2. O bezopasnosti : feder. zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ [On Security: Federal Law from 28.12.2010 No. 390-FL]. Sобр. законодательства Рос. Федерации – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 1. Art. 2. (In Russ.).
3. Uporov A. G. Bezopasnost' personala uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i osobennosti ee pravovogo regulirovaniya [Security of personnel of institutions of the penal system and peculiarities of its legal regulation]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. Iss. 3 (6). P. 40–46. (In Russ.).
4. Harakteristika osuzhdennyh k lisheniyu svobody, imeyushchih social'no znachimye zabolevaniya : analit. obzor [Characteristics of those sentenced to deprivation of liberty with socially significant diseases : analytical overview]. Moscow, 2017. 44 p. (In Russ.).

УДК 343.82:281.93:94(470) "16–17"

Особенности заключения умалишенных преступников в России XVII–XVIII вв.

С. О. ШАЛЯПИН – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

А. А. ПЛОТНИКОВ – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Р е ф е р а т

Исследование положения умалишенных преступников в России XVII в. представляет значительную трудность ввиду того, что специальные нормы права, регулирующие их статус, были приняты государством лишь в XVIII в. Законодательство более раннего периода, касавшееся данной категории лиц, носило фрагментарный характер, в связи с чем практика ограничения свободы правонарушителей с отклонениями психики может быть реконструирована лишь на основе анализа большого массива архивных источников, проливающих свет на формы и методы обращения с такими преступниками в судебных учреждениях (приказах) и монастырях. В статье делается попытка классификации отклонений психики, отраженных в судебно-следственных актах XVII в. Судебные инстанции того времени уже определяли возможность применения наказания в зависимости от тяжести психического состояния и наличия его обострения в момент совершения правонарушения. В целом

правовая практика допетровской России шла по пути максимального смягчения наказания умалишенным, вплоть до его полной отмены в некоторых случаях. Как правило, умалишенный не заточался в монастырь, если его поступки не содержали в себе признаков преступления или угрозы совершения такового.

Серьезные изменения в правовом поле произошли в XVIII в., когда законодательная деятельность государства стала открыто разрушать правовую автономию церкви, стремясь к абсолютному подчинению церковных институтов нуждам правительства. На протяжении первой половины XVIII в. между Синодом и карательными органами империи продолжался конфликт, связанный с тщетным стремлением церкви избавить монастыри от обязанности содержания ссыльных, в том числе умалишенных. Только в период правления Екатерины II правительством были приняты меры по созданию специальных учреждений для умалишенных и сохранению специальных отделений для них в нескольких монастырях.

Авторы приходят к следующим выводам:

- практика заключения умалишенных преступников в России до XVIII в. была слабо урегулирована правовыми средствами и формировалась опытным путем на основе совмещения института монастырской ссылки и покаяния с элементами ограниченной репрессивности государства;
- содержание умалишенных преступников в монастырях чаще всего было краткосрочным и включало обязательное «келейное правило», посещение богослужений, труд и ограничение свободы;
- в XVIII в. под влиянием государственного репрессивного законодательства заключение умалишенных преступников в монастырях подверглось обмирщению, сблизившись с формами тюремного заключения;
- эпоха Просвещения поставила перед правительством задачу освобождения институтов церкви от несвойственных ей функций, что позволило Синоду более успешно, чем ранее настаивать на постепенном освобождении монастырей от карательных функций, включая и содержание умалишенных правонарушителей.

Ключевые слова: церковно-пенитенциарная система; умалишенные преступники; Синод; Сенат; умалишенные в монастырях; российское законодательство об умалишенных XVII–XVIII вв.

Features of imprisonment of insane criminals in Russia in XVII–XVIII centuries

S. O. SHALYAPIN – Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University, PhD. in History, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

A. A. PLOTNIKOV – Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

Investigation of the situation of insane criminals in Russia in XVII century represents a significant difficulty in view of the fact that the special rules of law regulating their status were adopted by the state only in the XVIII century. Legislation of the earlier period, related to this persons category, was fragmentary, and therefore the practice of restricting the freedom of offenders with mental disorders can be reconstructed only on the basis of an analysis of a large array of archival sources that shed light on the forms and methods of dealing with such criminals in judicial institutions (orders) and monasteries. The article makes an attempt to classify the deviations of the psyche, reflected in the forensic investigation papers of the XVII century. The courts of this time have already determined the possibility of applying punishment, depending on the severity of the mental state and the presence of its aggravation at the time of the offense. In general the legal practice of pre-Petrine Russia was on the path of maximum mitigation of punishment by the insane up to its complete abolition in some cases. As a rule, an insane was not imprisoned in a monastery, if his actions did not contain signs of a crime or a threat of committing such a crime.

Serious changes in the legal field occurred in the XVIII century, when the legislative activity of the state began to openly destroy the legal autonomy of the church, striving for the absolute subordination of church institutions to the needs of the government.

During the first half of the XVIII century between the Synod and the punitive organs of the empire there was a conflict, connected with the vain desire of the church to relieve the monasteries of the obligation to keep the exiles, including the insane. Only during the reign of Catherine II the government took measures to create special institutions for the insane and preserve special offices for them in several monasteries.

The authors come to the following conclusions:

- the practice of imprisoning insane criminals in Russia before the XVIII century was poorly regulated by legal means and was formed by experience on the basis of combining the institution of monastic exile and repentance with elements of limited repressiveness of the state;
- the safe-keeping of insane criminals in monasteries was most often short-term and included an obligatory «cell rule», visiting services, labor and restraining freedom;
- in the XVIII century under the influence of state repressive legislation the conclusion of insane criminals in monasteries was subjected to secularization, drawing closer to the forms of imprisonment;
- the Age of Enlightenment set the government the task of releasing the church institutions from its uncharacteristic functions, which enabled the Synod more successfully than before to insist on the gradual liberation of monasteries from punitive functions, including the maintenance of insane criminals.

Key words: church-penal system; insane criminals; Synod; Senate; insanes in monasteries; russian legislation on insanes in XVII – XVIII centuries.

Отечественное законодательство довольно поздно обзавелось нормами, учитывающими особый психический статус субъектов правоотношений, что сильно затрудняет исследование истории правового регулирования в российском праве вопросов, касающихся наказания умалишенных. Даже исследователи, условно выделяющие ранние (до XVIII в.) этапы развития русского законодательства о душевнобольных [4, с. 13; 26, с. 14], фактически признают, что «все уставы и указы до издания Уложения царя Алексея Михайловича не закрепляли вопросов, связанных ни с регламентацией правового статуса душевнобольных, ни с призрением» [27, с. 12]. Да и акты второй половины XVII столетия не дают сколько-нибудь четкого представления относительно мнения законодателя о данной категории лиц, их специфическом статусе и особой роли в случае привлечения их к суду и наказанию. Между тем широко известно, что такие преступники, как умалишенные, не совершившие очевидного преступления, но представлявшие угрозу общественному порядку и спокойствию, со временем Средневековья помещались в заключение в монастыри. Как отмечал И. В. Константиновский, «христианство в средние века, проводя идеи человеколюбия и благотворительности, способствовало... заведению убежища для помешанных в монастырях... от которых общество желало избавиться не потому, что они были только помешанные, но потому, что они были опасны и неудобны для домашней жизни...» [4, с. 7]. В силу специфики средневековой церковно-пенитенциарной системы в это время и известной автоно-

мии церковного права вплоть до секулярных реформ XVIII в. институт монастырского заточения умалишенных практически не нашел отражения в законодательных актах доперовского периода, что предопределило хронологические рамки большинства работ, рассматривавших данную проблему. Наиболее значительный вклад в историографию вопроса внесли дореволюционные работы И. В. Константиновского [4, с. 19–29], П. В. Верховского [1, с. 332–335] и В. Ивановского [3, с. 101–107], хотя и не посвященные обозначенной проблеме специально, но содержащие качественный ее историко-правовой обзор начиная с рубежа XVII–XVIII столетий. Кроме того, в приложении к очерку И. В. Константиновского были напечатаны выдержки из важнейших законодательных актов за два столетия о статусе умалишенных. Сами законодательные акты были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и дополнены позже документами синодального архива, вошедшими в Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Обширный и незаслуженно мало используемый ныне исследователями архивный материал, содержащий большое количество судебно-следственных актов XVII в. по делам о «слове и деле», в том числе с участием умалишенных, собран и опубликован Н. Я. Новомбергским [7]. В новейшей историографии данной проблема рассматривалась в весьма интересных статьях С. Ю. Смагиной [23; 24] и в диссертации В. Э. Шунк [26], которая, впрочем, в интересующей нас части почти полностью повторяет материалы

И. В. Константиновского. В настоящей публикации хотелось бы не только углубить уже сложившиеся представления об отечественном законодательстве XVIII в. относительно изоляции умалишенных преступников, но и ввести в научный оборот данные о формах и методах пенитенциарного воздействия на них, продемонстрировав известную преемственность, присущую российской правовой системе в регулировании данного вопроса.

Все попытки отыскать в раннем российском законодательстве следы системного регулирования статуса умалишенных и сделать вывод о «высоком для того времени уровне развития психиатрических мероприятий» [26, с. 16], по всей видимости, обречены на неуспех. Бытующее в научной литературе мнение о якобы имевшем место на Стоглавом Соборе 1551 г. обсуждении вопроса о содержании в монастырях сумасшедших и принятии особой нормы, регламентирующей порядок заточения «одержимых бесом и лишенных разума», не находит подтверждения в тексте самого Стоглава. Обоснованно мнение по этому поводу В. В. Лощинкина, замечающего, что ссылка ряда авторов на гл. 93 Стоглава не корректна, так как в ней речь идет о запрете языческих «еллинских беснований», не связанных с состоянием помешательства их участников [6, с. 66]. Вместе с тем косвенное упоминание об умалишенных нарушителях норм церковного права содержится в вопросе 21 гл. 41, посвященном действиям «богомерзких бесовских прелестников»: «Да по погостом и по селом и по волостем ходят лживые пророки... наги и босы, и волосы отрастили и распустились, трясутся и убиваются...» [22, с. 308]. Стоглав предписывал христианам изгнать таковых «лживых пророков» из своих домов, но о каких-то иных, более строгих мерах умалчивал, полагаясь на усмотрение царской власти. Даже с учетом широкого распространения на Руси феномена добровольного юродства («Христа ради») [5, с. 95] трудно представить, чтобы среди описанных «бесовских прелестников» не встречались лица, страдающие психической патологией, которых среди юродствующих было достаточное количество. Предписание Стоглава об удалении таких лиц продиктовано не столько представлением об опасности их поведения с правовой точки зрения, сколько мерами, предпринимаемыми в рамках ограничения христианского общества от суеверий, языческих и еретических проявлений.

Важно понять, выделяли ли вообще законодатель, судья, чиновник, церковный иерарх позднего Средневековья категорию «умалишенный» и, если выделял, какое юридическое содержание в нее вкладывал, с какими иными категориями сопоставлял? Ответ на этот вопрос можно найти в юридической практике XVII столетия, отразившейся в сохранившихся актах. Судя по всему, универсального термина, обозначающего юридически значимое психическое отклонение, в тот период не существовало. Анализ актового материала показывает, что наиболее общим термином можно признать состояние «вне ума», поскольку данная характеристика охватывает весьма широкий круг ментальных проблем: от полной очевидной невменяемости до временного отсутствия воспоминаний о чем-либо, например вследствие сильного опьянения. Состояние безумия упоминается еще в Судебниках XV–XVI вв., но только в связи с утратой чужого товара или заемных денег [8, с. 355; 9, с. 259, 437, 533–534]. Примечательно, что такое обстоятельство, как безумие, соседствует в статьях судебников с состоянием опьянения, в котором товар может быть пропит, что лишний раз свидетельствует о близости обоих состояний с точки зрения законодателя. Обратившись же к практике XVII столетия, найдем многочисленные подтверждения такой точки зрения: в 1627 г. стрелец Денис Иванов должно доносил на своего сослуживца немца фон-Любцова, оправдываясь позже: «а сказал де я то слово не целым разумом: во хмелю де ко мне приступает» [7, с. 353]. Так, в 1647 г., оправдываясь в произнесении «государева слова», рязанец Федот Васильев Короваев утверждал, что говорил «во пьянстве, вне ума своего, ничего не помня» [7, с. 373]; аналогично оправдывались и многие иные случайные возглашатели «слова и дела» того времени [7, с. 152, 210–211, 225, 266, 333, 400]. Невменяемость должно произносивших «слово и дело» «пьяным обычаем» в итоге была фактически признана в ст. 14 гл. 2 Соборного уложения 1649 г. [10, с. 30], узаконившей ранее сложившуюся практику наказывать таких преступников лишь телесно, не применяя к ним более серьезных кар. Сходная логика признания неумышленности деяния, совершенного пьяным преступником «вне ума», легла и в основу боярского приговора 1625 г. о возмещении владельцам за их убитых крестьян и холопов, допускавшего, что убийство могло произойти «пьяным делом, а не умышленьем» [2, с. 123].

Иным проявлением состояния «вне ума», не нашедшим уже отражения в законодательстве, но нередко упоминаемым в следственных и судебных актах XVII в., можно признать временное «отступление ума» или «исступление ума». Так, в 1640 г. старец Борщевского Троицкого монастыря близ Воронежа Аврамий Родионов подал извет на старца Селиверста Романова «во отступлении ума своего», объясняя это высшей волей – «Бог разгневался, с ума своего сбрел» [7, с. 354–358]. Отнесение внезапного исчезновения рассудка к проявлению божественной воли было, по всей видимости, не только проявлением религиозного мировоззрения, но и достаточным оправданием противоправных действий, совершенных «вне ума». Например, сидевший в Воронежской тюрьме в 1645 г. сын боярский Осип Пикалов во время похода к реке за водой временно впал в безумие: «и надо мною... в тех местех учинилось посещение Божие, отбыл ума своего, и вопил по улицам, сказывал за собою... государево слово, не ведая ничего... И после того на 3-й день милость Божия учинилась надо мною... в разум пришел по прежнему, и я... государева слова за собою никакого не ведаю, говорил то во изступлении ума своего...» [7, с. 151–152]. Аналогичным образом описывал свое душевное состояние сосланный в 1671 г. в Спасо-Прилуцкий монастырь московский стрелец Сидор Васильев: «учинилося надо мною... во лею Божию умом рехнулся» (ОПИ ГИМ¹. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 3). Тщательному исследованию относительно здравости рассудка подвергались также лица, извещавшие о произошедших с ними божественных явлениях, что вполне вытекало из представления о состоянии «вне ума» как следствии проявления воли Божией. Так, в 1647 г. в Приказ сыскных дел был прислан пономарь Николавского греческого монастыря в Москве, говоривший, что «было де ему извещенье от Бога, явилися ему ангелы и велели говорить П[атриарху] и б[оярам] о государственных великих делах, а П[атриарх] де бы о тех делах известил Г[осударя]; а будет де он, чернец, о том П[атриарху] и б[оярам] говорить не станет, и ему де от Бога быть в великом истязанье» [7, с. 187].

Периодически повторяющиеся состояния «вне ума» акты XVII столетия именуют «черной немощью» или «черным недугом». Лаконичность документов данной эпохи не позволяет точно идентифицировать такое

состояние с эпилепсией, как это принято в нашей литературе. Проявление болезни в виде припадков вынуждало следствие 1632 г. в Кромах выяснить относительно некоего Панки Бирбасова, «какое он про тебя, Г[осударь], непригожее слово, и где, и к какой мере говорил, и черною болезнью он болен-ли, и в немочи-ли он то непригожее слово говорил» [7, с. 332]. Понятно, что если бы выяснилось, что «непригожее слово» о государе было сказано не в припадке, то и выводы следствия были бы весьма суровы. Ссылка на «черный недуг» в делах о «слове и деле» почти гарантированно вела к скорому окончанию следствия и мягкому наказанию [7, с. 182–186], а порой и вовсе к освобождению от наказания, как это произошло с вышеупомянутым Бирбасовым [7, с. 333] и чернавским казаком Тихоном Степановым Пищулиным, у которого «черный недуг» проявился во время тюремного сидения. После челобитной на царское имя с жалобами на свое бедственное положение и болезнь Пищулин получил в марте 1646 г. указ: «...Мы В[еликий] Г[осударь] для блаженныя памяти отца нашего Г[осударя] тюремного сидельца Тихонка Пищулина пожаловали, велели его из тюрьмы выпустить без наказанья...» [7, с. 141].

Наличие или частота припадков «черной немощи» устанавливались путем опроса свидетелей. Так, в 1631 г. во время следствия о произнесении «непригожего слова» о государе костромским тюремным сидельцем Иваном Гавrilовым Ерыкаловым свидетели давали противоречивые показания о его психическом состоянии: одни утверждали, что «черная де немочь на нем, Ивашке, бывает всегда», другие, что «почасту», третья, что «дни по 2 и по 3» [7, с. 317–318]. Следственные акты XVII в. показывают, что в подобном случае следовало с возможной достоверностью убедиться, произошло ли правонарушение во время такого припадка или нет.

Постоянное состояние «вне ума», не проявляющееся в каких-либо опасных формах, а скорее напоминающее тихое помешательство, именуется в актах «простотой» или «малоумием». Так, в 1631 г. бродил по Москве и говорил «государево дело» крестьянин Заонежских погостов Дорофей Иванов, который до этого был выпущен из тюрьмы на поруки у себя на родине. Будучи взят к следствию в Разрядный приказ, Иванов был возвращен в Заонежье с грамотой воеводе Степану Тарбееву, «чтоб он тому мужику наказанья не чинил, потому что он прост, кабы

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

не в своем уме; а велел бы ему жить в той же волости, где он жил наперед сего, во крестьянстве по прежнему» [7, с. 325].

Наиболее опасным проявлением состояния «вне ума», известным по актам XVII столетия, можно признать «падучую болезнь», проявляющуюся в постоянном агрессивном поведении, весьма ярко описанном в чеобитной кашицца Дементия Лазарева 1645 г. относительно некоего Мишки Хрисанки: «волею Божией человекенко... мой... в уме порушился, и учал... животину бить и сечь, и, людей дратъ во иступлении ума своего, и на лес бегал, и по многим деревням ходил, людям и всякому скоту всякие пакости чинил, и я... на чепь и в железа сажал, и он чепь и железа переломал...» [7, с. 347]. В допросах и сам Мишка, и свидетели подтверждали, что «он, Мишка, по греху своему болен падучею болезнью, и в той болезни своей во исступленье ума своего учал бить людей и животину всякую» [7, с. 349], а оказавшись в тюрьме, «дуровал, кричал, говорил, завираючи, и метался на стену, и тюремных сидельцев и... целовальника и сторожа бил... и он, Мишка, сидя в особой тюрьме, чепь изломал, и стену у избы зубом изгрыз в пол бревна, и из тюрьмы кричал...» [7, с. 350].

Примечательно, что Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г. вводят в юридический обиход новый термин для обозначения психических больных, который не встречается в известных нам правоприменительных актах, – «бесные». Составители данных статей ссылаются на византийский Закон градский как на источник норм, запрещающих привлекать «бесных» в качестве свидетелей в повальном обыске, и освобождающих их наряду с малолетними от смертной казни за убийство [11, с. 408, 423, 429]. По всей видимости, термин является переводным, заимствованным из Кормчей, и обозначает лиц, одержимых бесами, что, как мы видели выше, вовсе не являлось для людей XVII в. обязательным признаком психической болезни. Поэтому правоприменительные акты того времени крайне редко связывают нахождение подследственных и осужденных «вне ума» с одержимостью бесами. Как справедливо полагал И. В. Константиновский, в средневековой России «страдающие помешательством, и известные на Западе под именем одержимых бесом, не подпали такой жестокой и незаслуженной ими каре, как то было на Западе: Россия не воздвигала костров для уничтожения больных (умалишенных, маньяков, безумных),

несмотря на то что власть и общество легко смотрели на лишение жизни в других случаях» [4, с. 18].

Выше уже говорилось, что реальное положение умалишенных правонарушителей XVII столетия практически невозмож но реконструировать, опираясь лишь на отрывочное законодательство. Эту лакуну помогают восполнить многочисленные правоприменительные акты, создающие достаточно полную картину сложившейся в ту эпоху в отношении умалишенных преступников практики. Справедливо мнение, что в большинстве случаев в это время умалишенные правонарушители направлялись для содержания в монастыри. Не вполне верно, однако, было бы считать, что монастыри выступали подобием лечебниц, в которые помещались любые психически нездоровые лица. Такие случаи имели место, но чаще всего умалишенный не заточался в монастырь, если его поступки не содержали в себе признаков преступления или угрозы совершения такового. Известны случаи передачи сумасбродов на поруки и попечение родственников, соседей, членов сельской общины. Заточение в монастырь предполагало наличие властного веления, которое исходило бы от государственной или церковной власти, оформлялось в форме указа и имело основанием опасность общественному порядку, безопасности, благочинию, исходившую от умалишенного.

Исследование монастырских архивов позволяет утверждать, что подавляющее большинство указов о монастырском заточении умалишенных исходило от царских или патриарших приказов. Однако в ряде случаев ссылочные могли направляться в монастыри и по воле местных церковных и светских властей, как, например, произошло с опасным безумцем унским крестьянином Иваном Евсеевым Коковиным, который за свои неистовства в 1672 г. был сослан в Антониево-Сийский монастырь по приказу двинского воевода А. И. Нестерова (ГААО¹. Ф. 56. Оп. 1. Д. 37. Л. 11об.), или в 1687 г. со священником Никитой Протасовым, который был направлен в Павлов Обнорский, а затем в Корнилиев Комельский монастырь «под начало» Вологодским и Белозерским архиепископом Гавриилом «для исправления ума» (ГАВО². Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7519. Л. 8).

Причины, заставлявшие власти озадачиваться судьбой безумных преступников, могли быть чрезвычайно разнообразны: от

¹ Государственный архив Архангельской области.

² Государственный архив Вологодской области.

совершения последними тяжких уголовных и политических преступлений до беспокойства, причиняемого домочадцам опасным и буйным поведением помешанного, нарушающего общественное благочиние.

Архивные акты свидетельствуют, что заточение в монастыре нельзя однозначно рассматривать как альтернативу казни и тюрьме исключительно для представителей высших сословий, хотя такое его использование не исключалось, и привилегированные ссылочные имели некоторые преимущества. Так, заточенный в Кирилло-Белозерский монастырь в 1655 г. «во исступлении ума» стольник Г. Я. Милославский был окружен привезенными с собой домашними слугами (ОР РНБ¹. Ф. 532. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1566). Тем не менее в монастырских кельях оказывались безумные преступники самого разного происхождения. Боярин Семен Никитич Боборыкин, зарезавший «в исступлении ума» свою жену и крестового папа Александра, был сослан «под начало» в 1687 г. в Кирилло-Белозерский монастырь (РГАДА². Ф. 196. Оп. 2. Д. 119), а в следующем году переведен в Калязин монастырь (Архив СПб ИИ РАН³. Ф. 260. Д. 527), где и скончался около 1702 г. Непредумышленное убийство, совершенное в состоянии помешательства, могло быть наказано бессрочным тюремным заключением, заменяющим смертную казнь, как о том свидетельствовал в Костроме в 1631 г. Иван Ерыкалов: «посажен де он в тюрьму за свою вину, в том, что грехам своим немощен черною немочью и в немощи зарезал стрельца до смерти» [7, с. 319]. Монастырское «подначальство» за ту же вину могло ограничиться весьма непродолжительным сроком: в 1672–1676 гг. в Кирилло-Белозерском монастыре отбывал ссылку за убийство, совершенное «вне ума», некий Федор Григорьев Сомов, освобожденный менее чем через четыре года по царской грамоте (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 342, 388). Не только убийство, но и угроза его совершения помешанным могла стать причиной монастырского заточения: в 1656 г. в Кирилло-Белозерский монастырь был сослан сын стремянного конюха Ивана Муханова, доносившего патриарху Никону, что «сын де ево, Иванов, Степан умом рушится, и ево Ивана и жену ево, а свою мать, бранит всякою неподобною бранью, и хочет

убить до смерти, а людей ево бьет» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 167. Л. 1).

Государственные преступления безумцев, заключавшиеся в основном в произнесении «слова и дела», иных «непотребных слов» и подаче ложных доносов, наказывались весьма щадящими мерами ввиду очевидного психического состояния правонарушителей. Упоминавшийся выше Дорофей Иванов, слонявшийся по Москве и в безумии произносивший «государево дело», после неудачной попытки водворить его на родину, в Заонежье, был отправлен в 1631 г. в Кожеозерский монастырь «под начало» с указанием передать его «старцу добру», который бы «к правилу его понуждал без лениости». Предписание же об использовании ссылочного в монастырских работах учтивало, видимо, состояние здоровья умалишенного: «работу на него положили небольшую, в какой работе его можно быть» [7, с. 326]. Монах Борщевского монастыря Авраамий, оправдывавший «отступлением ума своего» ложный донос на старца Селиверста, в 1641 г. был подвергнут в Воронеже пытке, после чего последовал царский указ: вместо смертной казни отослать его в Борщевский монастырь под начало, «чтобы он впредь так не плутал, никаких непристойных слов ни на кого не затевал» [7, с. 358]. Примечательно, что воронежские власти, не дожидаясь царского указа, получение которого заняло несколько месяцев, отпустили безумного доносчика из тюрьмы на поруки, видимо, не без оснований ожидая самого мягкого приговора верховной власти [7, с. 357–358].

Выдача умалишенных на поруки была явлением обычным даже в тех случаях, когда их поведение представлялось опасным, если поручитель имел возможность контролировать буйного помешанного. Так, скавший в безумии «государево дело» Мишка Хрисанка был в Разрядном приказе в 1646 г. бит батогами и отдан Дементию Лазареву, который и раньше применял весьма жесткие меры, если умалишенный нарушал порядок и мог нанести себе вред. Еще в начале следствия Лазарев показывал, что во время буйства велел Мишку «посадить в Кашине в тюрьму, чтоб без людей в деловую пору напрасной смерти не принял, и в воде не утонул... и как деловая пора минула... из тюрьмы его вынял» [7, с. 347, 351].

Случаи безмерного пьянства клириков, представителей боярства, дворянства и служилых людей нередко рассматривались в плоскости помутнения рассудка. Так, в

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

² Российский государственный архив древних актов.

³ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

1687 г. игумен Ферапонтова монастыря Варлаам «за пьянство и за непристойные ево слова» был сослан под начал в Спасо-Прилуцкий монастырь с предписанием приводить его к церковному пению и следить «чтоб он во уме своем исправился» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7519. Л. 3). В 1676 г. помещик Федор Горсткин, «рехнувшись ума», видимо, также на почве пьянства мучил жену и детей, разорял обитателей собственного поместья, за что по царской грамоте был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь на непродолжительное время (РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 94). Менее четырех лет провел по патриаршему указу в данном монастыре некий Борис Зайцев, «покамест он от безмерного своего пьянства во уме исправится» (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 64. Л. 57–59). Даже признание в ложном объявлении себя умалишенным, если предполагаемый безумец отличался неумеренной зависимостью от хмельных напитков, не влекло автоматического освобождения от заточения. Так, в 1645 г. боярин Ф. И. Годунов в пьянстве «умом рушился», за что был приговорен в Стрелецком приказе к ссылке в Соловецкий монастырь. Бурный протест опального боярина, пытавшегося даже обвинить своего пристава, что тот намерен «едути в Соловецкий монастырь, на море выкинуть его, Федора, из лодьи в море», и его признание «...оболгал я, х[олоп] т[вой], тебе Г[осударь], будто с ума сбрел» [7, с. 149] не возымели ожидаемого действия. Неспокойный боярин был водворен в Соловецкий монастырь (ОР РНБ. Ф. 717. Ед. хр. 19/1478. Л. 11), а затем переведен в Кирилло-Белозерский (РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 29), из которого был освобожден и возвращен в Москву лишь через год. Случай с Ф. И. Годуновым примечателен также тем, что состояние помутнения рассудка из-за тяжелого пьянства как минимум дважды приводило его к заточению в монастырь: в 1645–1646 гг. он отбывал ссылку в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях, а в 1650–1651 гг. – повторно в Кирилло-Белозерском монастыре (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 115, 120). Вопиющий пример помутнения рассудка в пьянстве представлен в деле 1695 г. оссылке в данный монастырь Ферапонтовского игумена Филиппа, который на пути в свой монастырь «на Бородавском озере ума изступя из саней выshed, оставя слуг и лошадей ушел в лес, и в лесу нощию бродил в одной свитке и рясу с себя скинув, и слуги сыскав ево игумена на другой день привезли в монастырь», а в обители он же избивал братию, так что некоторые монахи от

него прятались (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 9790. Л. 1–5). Можно уверенно говорить, что борьба с пьянством и совершамыми в опьянении преступлениями в XVII в. теснейшим образом переплеталась с мерами воздействия на умалишенных преступников. Преступки и преступления, совершаемые в опьянении, зачастую рассматривались так же, как и деяния, совершенные «вне ума», а меры церковно-пенитенциарного воздействия на истинных безумцев и пьяниц были практически идентичны.

Пребывание умалишенных преступников в монастыре предопределялось указом о ссылке, который направлялся вместе с «подначальным». Монастырское начальство было в состоянии внести в этот режим лишь незначительные корректизы по своему усмотрению. Можно выделить три основных режима пребывания душевнобольных преступников в монастыре: в числе братии, в трудах (в хлебне и в поварне) и в железах в келье (темнице). Эти режимы мало отличались от условий пребывания иных монастырских ссыльных. Во всех случаях ссыльному назначался «начальный старец», руководивший всеми сторонами жизни «подначального», определялось обязательное «келейное правило» и участие в монастырских богослужениях. По всей видимости, именно богослужения и строгий монашеский образ жизни воспринимались как путь исцеления от душевного недуга. Некоторые ссыльные, ощущая мягкость отношения к ним монастырских властей, могли и в ссылке проявить буйство и даже совершить новые преступления. Так, содержавшийся в 1636–1650 гг. в Антониево-Сийском монастыре старец Александр Голубовский, который «ума иступился и говорил нелепые слова», время от времени впадал в ссылку в исступление: бил монахов, гонялся с топором за служками, грозил братии неведомыми карими [25, с. 352, 354]. Содержавшийся в том же монастыре более 11 лет «пороумный» Иаков Баев в 1679 г. убил монастырского служебника Ивана Леонтиева (ГААО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 36. Л. 313–313об.). В подобных случаях применялись меры монастырского «смирения» – телесные наказания, наложение оков, строгая изоляция в келье.

В случае необходимости церковного покаяния ссыльного, которое умалившенным было недоступно с точки зрения канонического права, в качестве желательного шага в момент прояснения рассудка рассматривался постриг в монахи: беглого подъячего Павлина Давыдова, присланного «вне ума»

в Сийский монастырь в августе 1645 г., в декабре того же года по царской грамоте постригли в монахи, как только он «во уме исправился». При этом принятие пострига не означало окончания ссылки – ссыльный монах остался под строгим надзором (ГААО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 35. Л. 410об., 414об., 436об.–437). Также постриг умалишенногого, заточенного в монастырь, был возможен при его смертельной болезни, как о том ходатайствовал в 1650 г. перед патриархом Иосифом Михаил Чуровской, сообщавший, что его брат Матвей, сосланный в безумии в Кирилло-Белозерский монастырь, ныне лежит при смерти и желает принять монашеский постриг. Патриарх дал разрешение на такой постриг, если сам Матвей выразит желание (ОПИ ГИМ. Ф. 226. Ед. хр. 13. Л. 21).

Документы XVII в. часто представляют узников, сосланных за инакомыслие, помешанными. Примеров этому можно найти достаточно. Так, в 1632 г. поп нижегородского Воскресенского монастыря Иван Неронов (будущий идеолог старообрядчества) отправился в ссылку в Николо-Корельский монастырь за то, что «в людех многую смуту чинил и людей учил... и вещенником лаял и еретиками называл» (Архив СПб ИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. Д. 240. Л. 32). Патриаршие дьяки в указе о ссылке не преминули отметить, что Иван «во иступлении ума бысть и ныне не в совершенном разуме» (Архив СПб ИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. Д. 240. Л. 32). В 1636 г. по царскому указу был сослан в Сийский монастырь старец Александр Голубовский, который «ума иступился и говорит нелепые слова». Безумному старцу было категорически запрещено покидать обитель и что-либо писать, в связи с чем не разрешалось давать ему бумагу и чернила [25, с. 348]. В 1660 г. черный поп костромского Никольского монастыря Никон был судим и приговорен к ссылке в Кожеозерский монастырь за раскольничье высказывание в отношении новоисправленных церковных книг. В царской же грамоте, посланной в данную обитель, суть проступка ссыльного не раскрывалась, но предписывалось «держать под крепким началом покаместа он будет в совершенном разуме и никово к нему припускать и говорить ни с кем ничего не велел» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, 3).

Освобождение умалишенного преступника из монастыря чаще всего происходило по его человитной или обращению близких родственников ссыльного (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 67. Л. 14–17). Вернувшись в разум, монастырские «подначальные» стре-

мились не медлить с просьбой об освобождении, адресованной в те инстанции, которые препроводили их в ссылку. Так, в 1671 г. московский стрелец Сидор Васильев писал на царское имя из Спасо-Прилуцкого монастыря, что «милостию всемилостиваго Спаса и молитвами преподобных отца Димитрия и благоверного князя Игнения стал в старом своем уме в целости» (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 3), а в 1679 г. драгун Тихон Иванов из того же монастыря был челом, что он «в совершенство разума пришел» (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. боб.). Челобитная, отправляемая в Москву, требовала подтверждительной грамоты монастырских властей, которая удостоверяла бы достаточную степень здравомыслия челобитчика (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 6) и извещала, что «ныне он в целости ума, никакова сумбродства за ним нет» (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 68. Л. 25).

Анализ обширного актового материала, раскрывающего практику содержания умалищенных преступников в монастырях в XVII столетии, позволяет установить, что судебные инстанции (как церковные, так и государственные) того времени уже ставили возможность применения того или иного наказания в зависимость от тяжести психического состояния и наличия его обострения в момент совершения правонарушения. В целом правовая практика допетровской России шла по пути смягчения наказания умалищенным, вплоть до его полной отмены в некоторых случаях. Сама практика замены жесткого уголовного наказания, предусмотренного законом, заточением в монастырь уже свидетельствует о стремлении вывести умалищенных преступников из-под прямого действия уголовно-карательных мер.

Церковно-пенитенциарная система, сложившаяся в России еще в средневековый период, продолжала развиваться и в секулярную эпоху XVIII столетия. Более того, под влиянием всепроникающих идей европейского легизма практика монастырского заточения, фактически имевшая самое широкое распространение, но почти не закрепленная нормативно, оказалась в XVIII в. в центре конфликта высших государственных и церковных органов, стремившихся на протяжении многих десятилетий найти приемлемые формы ее законодательной регламентации при осознании сомнительности такой регламентации с точки зрения канонического права. Как писал В. Ивановский, «еще страннее и необъяснимее с точки зрения канонических принципов являются те

постановления Петровского и следующих за ним законодательств, которые делают монастыри местом ссылки всевозможных преступников» [3, с. 101]. Одной из проблем, связанных с функционированием церковно-пенитенциарной системы, оказавшихся в центре внимания властей того времени, была проблема содержания умалишенных преступников под надзором в монастырях, решавшаяся в контексте более широкого вопроса о возможности помещения в обители всех сумасшедших, не находящихся на попечении у родственников. Обширная переписка Синода с Сенатом, Тайной канцелярией и коллегиями по этому поводу, как и немалое число распоряжений высших государственных инстанций XVIII в. по вопросам содержания умалишенных в монастырях, изучена далеко не полно. Проблема необходимости и возможности заточения умалишенных преступников в православные монастыри в XVIII в. была одним из камней преткновения в отношениях между государственными органами и иерархами Синода, которых сложно было заподозрить в нелояльности к существующей власти, но которые, тем не менее, проявляли редкую настойчивость в попытках избавить монашеские обители от необходимости содержать «изумленных» правонарушителей. Однако законодательная активность Петра I по вопросу о призрении умалишенных вообще и содержании умалишенных преступников в частности была крайне противоречива: с одной стороны, при нем готовился указ об открытии специальных лечебниц для убогих, с другой – неуклонно расширялась практика использования монашеских обителей для решения различных государственных задач: от призрения солдат-инвалидов до помещения умалишенных, несовершеннолетних, престарелых и прочих преступников.

Борьба, разгоревшаяся вокруг этой проблемы, отразилась в комплексе законодательных и распорядительных актов XVIII столетия. Очевидно, первые распоряжения о массовой монастырской ссылке престарелых, увечных и «изумленных» преступников исходили от Петра I, на что прямо ссылается императрица Екатерина I в своем указе от 15 марта 1727 г. [12, с. 761]. Однако Синод в противовес царским распоряжениям исполнял с 1723 г. некий указ, записанный «по словесному объятию от членов того Синода» Феодосия Яновского, Феофана Прокоповича и Феофилакта Лопатинского, прекращающий прием в духовное ведомство для рассылки по монастырям преступников из Преображенской канцелярии и прочих

судебно-карательных органов империи, в котором говорилось, что Петр Великий, «будучи в саду Ея Величества... рассуждая о сумазбродных и под видом изумления бываемых, каковые наперед сего, аки бы для исцеления и воумления, посыпывались во монастыри, таковых отныне посыпать в монастыри отрек» [15, с. 149]. В 1726 г. Синод резко отреагировал на сенатское распоряжение о ссылке в Иверский монастырь дворянина Дмитрия Молостова за некое непотребное письмо к Казанскому митрополиту. При этом иерархи ссылались на отсутствие возможности надлежащим образом следить за ссылочным и на то, что «быть такому подозрительному человеку во оном монастыре не надлежит, дабы между братиею какого соблазна и прочих потребностей не произошло» [16, с. 372–373]. В итоге весьма острой переписки с сенаторами Синод согласился отослать Молостова в Троице-Сергиев монастырь в «крепкую келью, имеющую Максимовскую», но принципиально своей позиции не поменял. Для того чтобы заставить синодалов принимать умалишенных преступников в монастыри, понадобился вышеупомянутый именной указ Сенату из Верховного тайного совета 1727 г.

Но пассивное сопротивление Синода недавно узаконенной практике помещения сумасшедших преступников в обители не прекратилось. Так, в феврале 1728 г. в высшем церковном учреждении отказались принимать из Преображенского приказа «изумленных» преступников Пантелея Клюева и Якова Иванова, ссылаясь на отсутствие средств, подвод и караульных для доставки ссылочных в монастыри Белгородской епархии и тонко намекнув Преображенскому приказу, что в указе 1727 г. велено ссылать сумасшедших преступников напрямую в монастыри, а не переправлять их в Синод [17, с. 125–127]. В том же году Синод еще дважды отказывал Преображенскому приказу в приеме умалишенных ссылочных [17, с. 113–114, 266–267]. Невзирая на упорство церковных властей, государственные органы стремились расширить практику монастырской ссылки не только «изумленных» преступников, но и просто умалишенных, представлявших опасность для окружающих или оказавшихся без надлежащей опеки родных. Как справедливо заметил П. В. Верховской, «приноровившись к тому, что очень удобным во многих отношениях местом заключения важных политических преступников и сумасшедших могут служить монастыри, правительство уже и не думало о построении для них особых домов и тюрем» [1, с. 333].

Стремясь остановить поток сумасшедших ссыльных в обители, в марте 1735 г. Синод готовился подать императрице Анне Иоанновне доклад, в котором указывал на вопиющий случай гибели по недосмотру в Симоновом монастыре умалишенного Данилы Ширяева. Однако разговор Феофана Прокоповича с главой Канцелярии тайных розыскных дел А. И. Ушаковым остановил уже подготовленную бумагу. При этом сам Феофан предложил отвести специально для умалищенных один монастырь – Александро-Свирский [1, с. 333]. Тем временем сама канцелярия обратила внимание императрицы на содержащихся в ее застенках пятерых сошедших с ума колодников. И 6 сентября 1735 г. Анна Иоанновна не только решила судьбу этих пятерых, но и установила порядок действий Канцелярии и Синода в подобных ситуациях: «...ежели по делам Тайной канцелярии случаются поврежденные в уме... которым, по надлежащем в Тайной канцелярии наказании, свободы дать не можно, для отсылки ж в монастыри отсылать их в Синод же» [14, с. 575]. Синодалы вынуждены были согласиться с указом самодержицы, приняв рассылку и содержание умалищенных колодников на счет духовного ведомства [18, с. 150–153]. Право Тайной канцелярии ссылать безумных преступников мужского и женского пола в монастыри было вторично подтверждено и резолюцией императрицы от 5 апреля 1738 г. [13, с. 768].

Деятельную попытку избавить монастыри от тяжкой обязанности содержать умалищенных преступников предпринял Синод в начале царствования Елизаветы Петровны, которая, как известно, благосклонно относилась к мнениям архиереев Синода. В 1742 г. ростовский митрополит Арсений Мацеевич отоспал обратно в Синод служанку баронессы Шафировой Анну Филиппову, которой в монастырской ссылке вернулся рассудок [20, с. 303–304], а в 1743 г. категорически отказался принять в один из монастырей своей епархии присланного из Тайной канцелярии умалищенного преступника Ивана Крылова, отослав в Синод весьма откровенное обоснование своего отказа: «де монастыри устроены и снабжены награждением для пребывания богоугодного честных и беспорочных и не подозрительных лиц, вечного спасения желающих... а не для содержания сумасбродов, воров и смертных убийц, колодников, для которых де довольно есть устроенных по их заслугам острогов, тюрьм и арестантских изб для содержания и хранения их в светской команде» [20, с. 358]. Очевидно, настроение Арсения раз-

деляли и другие архиереи, что проявилось в энергичных попытках Синода избавиться от обязанности принимать в обители колодников. Вскоре данный орган отказался принимать колодников в Александро-Невский монастырь, ссылаясь на отсутствие у него хорошей ограды и частое его посещение знатными особами [20, с. 353–354]. Позже, отвечая на требование Берг-коллегии принять в один из монастырей Тобольской епархии умалищенных крестьянина Зота Куликова и каторжанина Карпа Пузанова, Синод заявил: «чтоб смертных убийцев и каторжных невольников, кои явятся во изумлении, в монастыри принимать, указов Святейший Синод не имеет» [20, с. 447–452]. Описанный выше несчастный случай с безумным крестьянином Данилой Ширяевым, содержавшимся в Симоновом монастыре, вновь стал поводом для обращения синодалов к императрице 23 сентября 1743 г. с просьбой окончательно прекратить отсылку умалищенных преступников в монастыри [20, с. 410–411]. Однако, по всей видимости, обращение не было удостоено высочайшего внимания. Практика монастырской ссылки «изумленных» преступников продолжилась. Синод в меру своих сил мог лишь пресекать некоторые случаи явного злоупотребления подобным наказанием со стороны органов государства. Так, 4 апреля 1744 г. Синод оспорил сенатский указ, предписывающий массовую ссылку в монастыри лиц, обвиняемых в «богопротивных сбирацах и ложных учениях», на том основании, что «таковых злодеев за опасностию от побегу в монастырях содержать... никак не надежно и не кем» [21, с. 60–61]; 11 мая 1744 г. отказался принять в монастырь умалищенного Федора Паршина, вина которого в каком-либо преступлении Тайной канцелярией доказана не была, порекомендовав определить его в угличский смирительный дом [21, с. 99]; 22 августа того же года по просьбе Арсения Мацеевича настаивал на немедленном изъятии из монастыря и переводе в провинциальную канцелярию пришедшего в разум колодника Ивана Крылова [21, с. 192–193].

Период екатерининских реформ 60–80-х гг. XVIII в. внес в практику монастырской ссылки в России принципиально новые черты. Законодательство этого периода стремится заново наметить стертую ранее грань, отделявшую сферу светской юрисдикции и светских наказаний от области церковной. В полной мере эта тенденция коснулась и вопроса о содержании умалищенных колодников в обителях. Еще в правление Петра

III принимается решение о необходимости строительства для содержания умалишенных дольгауза по европейскому образцу. В декабре 1762 г. Екатерина II принимает решение до возведения дольгауза размещать сумасшедших в двух специально отведенных для этого обителях – Новгородском Зеленецком и Московском Андреевском монастырях [19, с. 75–76], переданных в ведение Синодального экономического правления. 6 ноября 1766 г. в Синоде оглашается высочайшее повеление «о переведении сосланных из бывшей Тайной Канцелярии, для исправления в уме, в разные монастыри колодников... для лучшего за ними присмотра, Сузdalской епархии в Спасо-Евфимиев монастырь» [19, с. 379–380]. Так началась история специального тюремного отделения для умалишенных, просуществовавшего еще более века. Однако использовать действующие монастыри в качестве своеобразных домов умалишенных Синод категорически отказался. В 1768 г. он отказал сибирскому губернатору Чичерину в его просьбе о размещении умалишенных в сибирских обителях, рекомендовав ему для та-

ких целей использовать один из упраздненных монастырей [19, с. 522–524]. Открытие в губерниях с 1775 г. приказов общественного призрения перевело вопрос содержания умалишенных в принципиально новую плоскость. Отныне монастыри более не рассматривались как учреждения, подходящие для пребывания сумасшедших преступников. И хотя отдельные случаи заточения в монастыри с согласия Синода еще отмечались (дело капитана Ефимовича 1775 г.), постепенно подобная практика прекратилась. Уже в 1777 г. синодалы на запрос Адмиралтейской коллегии о заточении в монастырь комиссара Ефимова, в безумии исколовшего матроса кортиком, кратко ответили, что Синод не принимает безумцев. Эпоха Прорвания изменила взгляды законодателя и чиновника не только на личность умалишенного, но и на место церковных институтов в регулировании общественных отношений. В конце XVIII в. процесс поглощения церковной юрисдикции светским законодательством логически привел государство к отказу от поддержания в неизменном виде церковно-пенитенциарной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верховской П. В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909. 345 с.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты. Л., 1986. 264 с.
3. Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. 174 с.
4. Константиновский И. В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами. СПб., 1887. 285 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. 204 с.
6. Лощинин В. В. Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых в отношении психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния в дореволюционной России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3 (5). С. 65–71.
7. Новомбергский Н. Я. Слово и дело Государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. 593 с.
8. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. 528 с.
9. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1956. 632 с.
10. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. 504 с.
11. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII вв. М., 1963. 510 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (или ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 7. 925 с.
13. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 9. 1025 с.
14. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 10. 997 с.
15. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (или ПСПиР). Т. 3. СПб., 1875. 260 с.
16. ПСПиР. Т. 5. СПб., 1881. 606 с.
17. ПСПиР. Т. 6. СПб., 1889. 457 с.
18. ПСПиР. Т. 9. СПб., 1905. 628 с.
19. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Екатерины II. СПб., 1910. Т. 1. 831 с.
20. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1899. Т. 1. 536 с.
21. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1907. Т. 2. 476 с.
22. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
23. Смагина С. Навязчивые идеи XVIII века // Новый журнал. 1998. № 1. С. 145–154.
24. Смагина С. Ю. Переписка Сената, Синода и Тайной канцелярии о признании сумасшедших в XVIII веке // Печать и слово Санкт-Петербурга. (Петербургские чтения – 2012) : в 2 ч. : сб. науч. тр. СПб., 2013. Ч. 1. С. 201–208.
25. Страница из прошлого Антониево-Сийского монастыря (по неизданным документам из архива Сийского монастыря) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 8. С. 346–355.
26. Шунк В. Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 188 с.

27. Шунк В. Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 30 с.

REFERENCES

1. Verhovskoj P. V. Naselennye nedvizhimye imeniya Sv. Sinoda, arhierejskih domov i monastyrej pri blizhajshih preemnikah Petra Velikogo [The inhabited real estate of the Holy Synod, the bishops' houses and monasteries with the immediate successors of Peter the Great]. St. Petersburg, 1909. 345 p. (In Russ.).
2. Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka : teksty [Legislative acts of the Russian state of the second half of the 16th – first half of the 17th century : texts]. Leningrad, 1986. 264 p. (In Russ.).
3. Ivanovskij V. Russkoe zakonodatel'stvo XVIII i XIX vv. v svoih postanovleniyah otnositel'no monashestvuyushchih lic i monastyrej (opyt istoriko-kanonicheskogo issledovaniya) [Russian legislation of the XVIII and XIX centuries in their decisions on monastic persons and monasteries (the experience of historical canonical research)]. Kharkov, 1905. 174 p. (In Russ.).
4. Konstantinovskij I. V. Russkoe zakonodatel'stvo ob umalishennyh, ego istoriya i srovnenie s inostrannymi zakonodatel'stvami [Russian legislation on the insane, its history and comparison with foreign laws]. St. Petersburg, 1887. 285 p. (In Russ.).
5. Lihachev D. S., Panchenko A. M. «Smekhovoj mir» Drevnej Rusi [«Laughing world» of Ancient Russia]. Leningrad, 1976. 204 p. (In Russ.).
6. Loshchinkin V. V. Stanovlenie i razvitiye rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva o prinuditel'nyh merah medicinskogo haraktera, primenyaemyh v otnoshenii psihicheskih bol'nyh lic, sovershivshih obshchestvenno opasnye deyaniya v dorevolucionnoj Rossii [Formation and development of the Russian criminal law on compulsory medical measures applied to mentally ill persons who committed socially dangerous acts in pre-revolutionary Russia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law. 2012. Iss. 3 (5). P. 65–71. (In Russ.).
7. Novombergskij N. YA. Slovo i delo Gosudarevy (processy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mihajlovicha 1649 goda) [The word and deed of the Sovereign (the processes before the publication of the Code of Alexei Mikhailovich of 1649)]. Moscow, 1911. Vol. 1. 593 p. (In Russ.).
8. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 3. Pamjatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. [Monuments of Russian law. Iss. 3. Monuments of the law of the period of the formation of the Russian centralized state XIV–XV centuries]. Moscow, 1955. 528 p. (In Russ.).
9. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamjatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv. [Monuments of Russian law. Iss. 4. Monuments of law of the period of strengthening of the Russian centralized state of the XV–XVII centuries]. Moscow, 1956. 632 p. (In Russ.).
10. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 6. Sobornee ulozhenie carya Alekseya Mihajlovicha 1649 g. [Monuments of Russian law. Iss. 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649]. Moscow, 1957. 504 p. (In Russ.).
11. Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 7. Pamjatniki prava perioda sozdaniya absol'yutnoj monarhii. Vtoraya polovina XVII w. [Monuments of Russian law. Iss. 7. Monuments of the law of the period of the creation of an absolute monarchy. Second half of the XVII centuries]. Moscow, 1963. 510 p. (In Russ.).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (ili PSZ-1) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 7. 925 p. (In Russ.).
13. PSZ-1 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 9. 1025 p. (In Russ.).
14. PSZ-1 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 10. 997 p. (In Russ.).
15. Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossijskoj imperii (ili PSPiR). T. 3. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 3]. St. Petersburg, 1875. 260 p. (In Russ.).
16. PSPiR. T. 5. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 5]. St. Petersburg, 1881. 606 p. (In Russ.).
17. PSPiR. T. 6. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 6]. St. Petersburg, 1889. 457 p. (In Russ.).
18. PSPiR. T. 9. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 9]. St. Petersburg, 1905. 628 p. (In Russ.).
19. PSPiR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Ekateriny II [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1910. Vol. 1. 831 p. (In Russ.).
20. PSPiR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Elizabeth Petrovna]. St. Petersburg, 1899. Vol. 1. 536 p. (In Russ.).
21. PSPiR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Elizabeth Petrovna]. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. 476 p. (In Russ.).
22. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. [Russian legislation of the 10th–20th centuries : in 9 vol.]. Moscow, 1985. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. 520 p. (In Russ.).
23. Smagina S. Navyazchiye idei XVIII veka [Obsessions of the XVIII century]. Novyj zhurnal – New magazine. 1998. Iss. 1. P. 145–154. (In Russ.).
24. Smagina S. YU. Perepiska Senata, Sinoda i Tajnoj kanceliarii o prizrenii sumasshedshego v XVIII veke [Correspondence between the Senate, the Synod and the Secret Chancery on the Charity of the Madmen in the 18th Century]. Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. (Peterburgskie chteniya – 2012) : v 2 ch. : sb. nauch. tr. – The seal and the word of St. Petersburg. (Petersburg Readings – 2012) : in two parts : collection of scientific papers. St. Petersburg, 2013. Part 2. P. 201–208. (In Russ.).
25. Stranichka iz proshloga Antonievo-Sijskogo monastyrya (po neizdannym dokumentam iz arhiva Sijskogo monastyrya) [A page from the past of the Antonievo-Sijsky Monastery (from unreleased documents from the archive of the Sijsky Monastery)]. Izvestiya Arhangelskogo obshchestva izuchenija Russkogo Severa – News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North. 1913. Iss. 8. P. 346–355. (In Russ.).
26. SHunk V. EH. Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII–XX vekov o dushevnobol'nyh (istoriko-pravovoj aspekt) : dis. ... kand. yurid. nauk [Russian legislation of the XVIII–XX centuries on the mentally ill (historical and legal aspect) : the diss. ... PhD. in Law]. Nizhny Novgorod, 2007. 188 p. (In Russ.).
27. SHunk V. EH. Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII–XX vekov o dushevnobol'nyh (istoriko-pravovoj aspekt) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Russian legislation of the XVIII–XX centuries on the mentally ill (historical and legal aspect) : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Nizhny Novgorod, 2007. 30 p. (In Russ.).